

После поимки Чжоу Мааня Хан Сиэнь, разумеется, должен был лично на него взглянуть. Цзи Ло сразу после ареста приказал связать генерал-губернатора и доставить его в передний зал резиденции, где они временно обосновались. Вокруг пленника плотным кольцом выстроились императорские гвардейцы.

Когда вошел Хан Сиэнь, связанный Чжоу Маань как раз багровел от ярости и громогласно требовал объяснений от Цзи Ло:

— Ваше Высочество Третий принц! Наследник уездного князя Юна! Что всё это значит?! Я чиновник первого ранга! Известно ли вам, какое наказание грозит за самоуправный арест генерал-губернатора Лянцзяна в глазах государя? Вы члены правящей династии и обязаны понимать законы! Даже если бы я совершил тяжкое преступление, брать меня под стражу надлежит лишь по высочайшему указу, а не по вашей прихоти!

Гвардейцы во главе с Гао Фэном выслушали эту тираду с каменными лицами. А вот Цзи Юэ заметно помрачнел. Он прекрасно понимал: императорская гвардия испокон веков подчинялась исключительно воле государя. То, что они сотворили сегодня, в глазах любого стороннего наблюдателя выглядело как вопиющее превышение полномочий.

Если Его Величество прогневаётся и решит покарать их, им придётся безропотно принять наказание. В этот момент Цзи Юэ лишь недоумевал: когда Хан Сиэнь только предложил этот безумный план, сам он решительно возражал. Почему же в итоге всё обернулось тем, что он вместе с Цзи Ло отправился штурмовать поместье Чжоу Мааня, пока Хан Сиэнь спокойно дожидался налётчиков в резиденции?

Ведь поначалу они просто лениво обсуждали погоду. Хан Сиэнь тогда обронил, что ночка выдалась на редкость беспокойной — идеальное время для грабежей и убийств. Мол, если у Чжоу Мааня созрел умысел избавиться от нежелательных гостей, лучшего шанса ему не найти. И как-то незаметно, ведомые Хан Сиэнем, они начали готовить ловушку с двух сторон.

Хан Сиэнь уверял: если в усадьбу ворвутся убийцы, во дворе мгновенно вспыхнут факелы. Стоит им увидеть огонь — нужно сразу брать гвардейцев и штурмовать резиденцию Чжоу Мааня.

Цзи Юэ считал эту затею неоправданно рискованной, но Цзи Ло загорелся идеей и сразу согласился. Пришлось уступить. И надо же — не прошло и получаса ожидания в засаде неподалёку, как усадьбу действительно озарило пламя.

Цзи Ло среагировал мгновенно. Ведя за собой гвардейцев, он ворвался в резиденцию генерал-губернатора. Хотя поместье Чжоу Мааня и считалось самым охраняемым местом в Лючжоу, личной стражи там оказалось немного. К тому же императорские гвардейцы превосходили местных на голову. Генерал-губернатора скрутили без особого труда.

Но теперь, когда Чжоу Маань сидел перед ними связанный, для Цзи Юэ он казался раскалённым углём, который непременно обожжёт любого, кто посмеет к нему прикоснуться.

Одна мысль о том, что Император вызовет его в столицу для допроса и взбучки, заставляла кожу на голове Цзи Юэ неметь от ужаса.

Он не понимал, какую игру ведут Хан Сиэнь и Цзи Ло, но для себя твёрдо решил: казна их уездного княжества Юн слишком скудна, чтобы выдержать подобные потрясения.

«Больше я с Хан Сиэнем ни на одно расследование не поеду. Даже если Император издаст личный указ, притворюсь смертельно больным, но отверчусь!»

Услышав эти мысленные излияния, Хан Сиэнь вдруг подумал: если в будущем государь снова поручит ему какое-нибудь дело, он непременно возьмет Цзи Юэ с собой. Мальчишке полезна хорошая встряска — ему ведь рано или поздно предстоит возглавить целое княжество.

К тому же, если Цзи Юэ сблизится с Цзи Ло и проявит себя, в будущем уездное княжество вполне может стать полноценным удельным владением.

С этой мыслью Хан Сиэнь, проходя мимо Цзи Юэ, одарил его долгим взглядом. Наследника уездного князя Юна передёрнуло от этого взора, по спине пробежал холодок, а в груди зашевелилось нехорошее предчувствие.

Но сейчас Хан Сиэню было не до него. Он подошёл к Чжоу Мааню, небрежно пододвинул стул и сел напротив. Генерал-губернатор, только что изливавший злость на Цзи Ло, тут же переключился на вошедшего.

— Наследник Хан! — процедил он с холодной усмешкой. — Или мне называть вас господином чрезвычайным уполномоченным? Известно ли вам, какое преступление вы совершили? Если я выйду отсюда живым, то перед самым императорским тронном обвиню вас в умышленном попрании законов Великой Чжоу! Вы преследуете личные корыстные цели и чините произвол над государственными мужами!

Хан Сиэнь выслушал эту гневную тираду с абсолютным спокойствием. Дождавшись, пока тот выдохнет, он неторопливо произнёс:

— С чего вы это взяли, господин Чжоу? Вы ведь прекрасно знаете, что именно совершили. И у меня, как у императорского уполномоченного, есть веские доказательства для обыска вашего дома. К тому же в моих руках пожалованный Его Величеством меч Шанфан. Им я могу карать и князей, и простолюдинов. Или господин Чжоу не ставит ни во что высочайшую волю? Что ж, когда я вернусь в столицу, непременно доложу об этом государю.

Чжоу Маань язвительно рассмеялся:

— В моём поместье нет ни одной краденой монеты, и я никогда не шёл против воли государя! Откуда у вас доказательства? Перед лицом Императора я не позволю вам клеветать на меня!

— То, что в вашем городском поместье нет улик, ещё не значит, что их нет в Лючжоу, — парировал Хан Сиэнь. — А если нет и здесь, они наверняка найдутся в вашем родовом гнезде. Впрочем, я отправил Третьего принца и наследника Юна арестовать вас вовсе не из-за подозрений в растрате. На вас поступила жалоба. Кое-кто прямо обвинил вас, господин Чжоу, в том, что ради собственной наживы вы прибрали к рукам золотой рудник в деревне Фулу и безжалостно истребили местных жителей. Раз уж это дело дошло до меня, я, как око государево, не могу закрыть на него глаза.

Чжоу Маань расхохотался во весь голос:

— Неужели ваш свидетель — этот гэер, Янь Си? Он утверждает, что родом из Фулу, но где доказательства его словам? А вот то, что вы вместе с Третьим принцем самовольно пленили чиновника первого ранга — факт неоспоримый. Перед Его Величеством я с полным правом могу заявить, что вы замыслили мятеж!

— Что ж, говорите что угодно, а я скажу своё. Кому из нас поверить — решать государю, в этом и явится его милость, — равнодушно отозвался Хан Сиэнь. — Мои люди уже всё проверили. На руднике в деревне Фулу действительно велась тайная добыча золота. И вам, господин Чжоу, стоило бы крепко задуматься: куда делось всё это золото? Судя по вашему виду, в усадьбе его нет. Так кому же вы отправляли эти жёлтые слитки? Если ваш покровитель узнает, что вы попали в мои руки, не решит ли он избавиться от вас, чтобы оборвать концы?

Этот вопрос ударил по самому больному месту Чжоу Мааня. Его охватил тайный ужас. Только он знал, что всё добытое золото забирали доверенные люди Вдовствующей императрицы. О том, на что шли эти средства, он мог лишь догадываться.

Но у Вдовствующей императрицы имелся на него сокрушительный компромат, поэтому ему оставалось лишь притворяться слепцом, не задавать вопросов и исправно выполнять приказы. И золото, разумеется, он тоже утаивал — часть добычи оседала в его карманах. Именно из-за этого он и решился на покушение, надеясь, что Хан Сиэнь больше никогда не сможет совать нос в его дела.

Он понимал, что у Хан Сиэня нет прямых улик, и тот просто берёт его на пушку. Но как бы ни было страшно, выдать Вдовствующую императрицу означало подписать себе смертный приговор.

— Судя по вашему лицу, имя покровителя вам хорошо известно, — вздохнул Хан Сиэнь. — Раз так, то при вашей осторожности вы наверняка сохранили переписку с ним — на всякий случай, чтобы обеспечить себе безопасность. Вот только подумал ли ваш покровитель о том же? Впрочем, если вы отрицаете связь с рудником в Фулу, давайте поговорим о другом.

Хан Сиэнь мгновенно посерьёзней, его голос обрёл стальную жёсткость:

— Я прибыл сюда по указу Императора, чтобы расследовать дела и помочь пострадавшим от наводнения. Бедствие в Цзяннани принимает катастрофические масштабы, но почему я вижу

вас, господин Чжоу, пребывающим в полнейшей праздности? Лекари, которых я привёз, были набраны по личному повелению государя, но почему вы не даёте им работать? Если ситуация с затоплением столь ужасна, почему за всё это время вы ни разу не предложили мне осмотреть место прорыва дамбы? И наконец, если вам так не хватает средств, почему к миллионам ланов серебра, которые я доставил для помощи пострадавшим, вы даже не прикоснулись?

От этих вопросов Чжоу Маань едва не захлебнулся собственной злостью. Для него Хан Сиэнь был настоящим безумцем, готовым разорить чужой дом при малейшем подозрении. Стоило выпустить его из Лючжоу к дамбе, и он бы по пути перевешал половину местных чиновников.

К тому же столичные лекари в самом городе были не нужны. В Лючжоу Чжоу Маань установил жесточайший порядок: при малейшем намёке на заразу заболевших немедленно выбрасывали за городские стены. Больные слишком болтливы — проболтайся они о чём-то лишнем, и хлопот не оберёшься.

Но главное — Чжоу Маань изначально не собирался оставлять Хан Сиэня в живых, поэтому все эти государственные заботы его совершенно не волновали.

Одно не давало ему покоя: его план был безупречен. Как они узнали о покушении до того, как оно началось? Как его умудрились схватить? Где именно он допустил промах?

Механизм тайного лаза в искусственной горе открывался только снаружи. О плане знали лишь трое самых преданных людей. Неужели среди них завёлся предатель?

Но Чжоу Маань тут же отбросил эту мысль. Эти люди были повязаны с ним кровью и общими грехами. Его падение означало для них плаху, никто из них не стал бы добровольно лезть в петлю.

Что касается Янь Си, уцелевшего по чистой случайности, о нём он не беспокоился. Без твёрдых доказательств перед Императором любые обвинения гэера оставались лишь пустой клеветой, за которую можно было засудить самого Хан Сиэня.

Сейчас генерал-губернатора по-настоящему пугало другое: доживёт ли он вообще до суда? Или люди Вдовствующей императрицы убьют его в дороге, чтобы заставить замолчать навсегда?

Видя, что Чжоу Маань не намерен сознаваться, Хан Сиэнь поднялся со стула.

— Что ж, господин Чжоу, у вас будет время подумать. А пока мы закроем вас в камере по соседству с теми разбойниками, что пытались напасть на нас сегодня. Чиновник и головорезы — прекрасное соседство.

Гао Фэн, давно признавший авторитет Хан Сиэня, молча увёл арестованного.

Когда в зале не осталось посторонних, Цзи Ло подошёл к Хан Сиэню и озабоченно произнёс:

— С Чжоу Маанем мы действительно поторопились. Прямых улик у нас нет. Я прямо сегодня ночью составлю доклад для отца, отправлю в столицу и попрошу прощения за нашу поспешность.

Хан Сиэнь скользнул взглядом по мрачному лицу Цзи Юэ и с мягкой улыбкой ответил:

— Доклад об аресте Чжоу Мааня я отправил в столицу ещё два дня назад. Сейчас нас должен волновать другой вопрос: как доставить этих господ в столицу живыми и невредимыми?

Цзи Юэ почувствовал, как по телу пробежал озноб под этим взглядом. Не выдержав, он спросил:

— Почему ты так на меня смотришь?

— Я подумал, что Его Величество, прочитав мой доклад, непременно разгневается, — протянул Хан Сиэнь. — Было бы лучше, если бы кто-то прямо сейчас доставил арестованных в столицу. А я останусь здесь и буду ждать высочайшего указа.

Цзи Юэ уставился на него с нескрываемым подозрением:

— Ты хочешь сказать, что этим «кем-то» должен стать я?

Хан Сиэнь лишь загадочно улыбнулся в ответ. Представив себе долгую, полную опасностей дорогу назад, наследник уездного князя Юна почувствовал, как у него мучительно разболелась голова.

Спустя несколько дней в столице Император принимал срочное донесение из Цзяннани. Он заранее настраивал себя на худшее, ведь каждое послание от Хан Сиэня неизменно доводило его до белого каления.

Но когда он развернул свиток и пробежал глазами по строчкам, то понял, что недооценил способность этого мальчишки испытывать его терпение.

Государь с силой швырнул доклад на пол и громогласно крикнул:

— Взять чернила и кисть!

Евнух Юань Бао поспешно бросился подносить принадлежности и растирать тушь. Император размахнулся и на чистейшем листе бумаги крупными, яростными мазками начертил всего четыре иероглифа:

«НЕМЕДЛЕННО ВЕРНИСЬ В СТОЛИЦУ!»

<http://bllate.org/book/20088/2002018>